СОЦИАЛЬНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ В КАБАРДЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ: ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

В статье исследуются причины жёсткой социальной конфронтации, явившейся отличительной чертой революционного периода в Кабарде на фоне относительно консолидировано выступивших соседних горских народов Терской области. Показывается, что внутренней предпосылкой такой ситуации послужило наличие у кабардинцев выраженной сословно дифференцированной социальной структуры с латентным конфликтом групповых интересов, который в условиях политического кризиса и воздействия внешних факторов проявляет тенденцию к эскалации. В качестве внешних факторов социальной конфронтации указывается политика большевиков, которые пытались привлечь обеспеченных земель кабардинцев, уже вступивших после Февраля 1917 г. на путь автономизации и поэтому слабо заинтересованных в дальнейшем развитии революции, к борьбе за советскую власть, с энтузиазмом поддержанную мало-земельными горцами. Отмечается, что осуществить задуманное большевикам удалось через провоцирование социальных противоречий между представителями высших сословий, традиционно занимавшими лидирующие позиции во властных структурах и экономической жизни округа и претендующим на эти позиции духовенством и крестьянством, то есть, через «коренизацию революции».

Ключевые слова: большевики, Кабарда, советская власть, земельный вопрос, революция, социальные конфликты, автономия, традиционная элита, крестьянство.

В отличие от соседних горских народов, в частности чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, выступивших в революционных событиях в целом единым фронтом, что диктовалось необходимостью решения вопроса малоземелья, кабардинцы, не испытывавшие острого земельного голода, оказались разобщены на противоборствующие лагеря. Это обстоятельство в своих мемуарах четко подметил современник революционного периода К. Бутаев. «Как в Кабарде, так и в Осетии, – писал он, – единой национальной физиономии уже не было. Гражданский мир на основе национальных интересов как там, так и здесь уже давал значительные трещины» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 14–15].

На жесткую социальную конфронтацию в Кабарде указывали и другие авторы. В частности, А. Деникин обратил внимание на конфликт между дворянством, объединившимся вокруг офицера З. Даутокова-Серебрякова и крестьянством, выразителем интересов которого выступил эфендий Н. Катханов [Деникин 1991: 169].

Обострившиеся в Кабарде в ходе революции социальные противоречия, вылившиеся в острое вооруженное противостояние, по сути, в локальную гражданскую войну, были обусловлены как внутренними, так и внешними факторами.

Внутренние факторы были связаны с социальной структурой кабардинцев, в которой все еще оставалось актуальным сословное разделение, с доминированием знати [Чхеидзе 2008: 53].

Кабардинское дворянство было широко представлено в административных, судебных, общественных структурах российской администрации в регионе. Многие представители высших сословий играли важную роль в развитии экономики Кабарды, будучи владельцами обширных земельных наделов, сдаваемых в аренду, а также успешно занимаясь скотоводством и разведением кабардинской породы лошадей, имеющей спрос далеко за пределами Нальчикского округа.

Кабардинское крестьянство к моменту революции было экономически дифференцированным. Как показывают материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Кабарде 39% хозяйств не имели лошадей, 70% – овец, 16% – крупного рогатого скота. Однако, в отличие от соседних горских округов, согласно данной переписи, крестьяне Кабарды не испытывали земельного голода. 10% населения Балкарии, к примеру, были вовсе безземельными [Жакомихов 1965: 135], а значительная часть ингушских хозяйств вынуждена была арендовать пахотные участки у терских казаков [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 61. Л. 7].

Некоторая часть кабардинских крестьян, активно вливающаяся в рыночные отношения, приобретала статус частновладельцев и по своему имущественному положению порой не уступала представителям аристократии.

Из рядов крестьян формировалось местное духовенство, которое занимало важное место в общественной, культурной и духовной жизни Кабарды. Помимо регулирования ритуальных сторон жизни социума, духовные деятели уделяли большое внимание образованию населения, как светскому, так и духовному.

Противоречия между указанными группами не имели четко выраженной политической подоплеки, носили характер частных бытовых эксцессов и разрешались как в рамках российской правовой системы, так и посредством традиционной социальной регуляции. Несмотря на то, что как в крестьянской среде так и в «стане» духовных деятелей проявлялись элитарные амбиции, предпосылок для перетекания этих противоречий в ситуацию вооруженного конфликта не имелось. Шел эволюционный процесс трансформации кабардинского социума. Традиционная элита постепенно утрачивала доминирующую роль в различных сферах жизни и особо не противилась усилению влияния бывших зависимых сословий. Вовлечение Кабарды в систему рыночных отношений в начале XX в. давало возможность предприимчивым крестьянам разбогатеть и, в то же время, оборачивалось для представителей знати, не сумевших вписаться в эту систему, потерей состояния. В перспективе (не случись крушения Империи) в Кабарде из среды как дворян, так и крестьян сформировался бы многочисленный средний класс, участвующий в политической и экономической жизни не взирая на сословные отличия и привилегии, которые приобрели бы символический характер.

Однако относительно стабильная социальная ситуация, («гражданский мир») оказалась неустойчивой к воздействию внешних факторов, в роли которых, в данном случае, выступила стратегия большевиков, задавшихся целью вовлечь в свое движение не предрасположенный к социалистической революции кабардинский социум, апеллируя к «нуждам» отдельных его слоев.

Один из ключевых постулатов советских исследований событий 1917–1920 гг. на Северном Кавказе и, в частности, в Кабарде заключался в утверждении о предопределенности провозглашения здесь советской власти [Гугов 1975: 25]. Многие монографические работы по данной тематике предварялись анализом «социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции» в регионе. В их числе авторы выделяли тяжелое экономическое положение «трудового народа», политическую неполноправность, социальные противоречия. Этот комплекс проблем мог быть разрешен только переходом к социализму, в борьбу за который и включились кабардинцы под руководством партии большевиков [Улигов 1979: 21–23].

Однако непредвзятый взгляд на события того периода приводит к иным выводам. Как выше отмечалось, Февральская революция, позитивные последствия

которой в жизни национальных окраин игнорировались советской историографией, предоставила народам бывшей Империи возможность свободного развития. Действительно, горцы Северного-Кавказа, в том числе и кабардинцы, до этого лишенные возможности полноценного участия в политической жизни региона, ограниченные в вопросах самоуправления, начали втягиваться в процессы национально-государственного строительства. Именно с этой целью в марте 1917 г. был образован Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который наряду с «февральской» администрацией выступал в качестве ведущего политического актора в регионе. В лице этой структуры коренное население получило свою автономию, которая позиционировалась как равноправный субъект новой демократической России [Кажаров 1999: 27].

Таким образом, Февральская революция разрешила один из злободневных вопросов на Северном Кавказе, связанный со стремлением горцев к национально-культурному возрождению. Оставался нерешенным земельный вопрос, наиболее остро стоящий для народов предгорной полосы – осетин, ингушей, чеченцев, балкарцев, вынужденных арендовать участки у терского казачества, в руках которого после завершения Кавказской войны была сосредоточена подавляющая часть земельного фонда, лесных угодий и водных ресурсов. Сложившиеся диспропорции во владении пригодными для ведения хозяйства участками, часто выступали причиной конфликтов, порой и вооруженных, между горцами и казаками. Эти противоречия использовали большевики, которые, стремясь утвердиться на Северном Кавказе и создать здесь социальную базу своего движения сделали ставку на малоземельных горцев. Последних обещали наделить землей, в том числе, и за счет казачьих владений. Естественно, горские народы поддержали подобные инициативы и выступили в поддержку советской власти.

Однако, в отличие от этих народов, кабардинцы не испытывали недостатка в земле. Исторически занимая большие пространства Центрального Предкавказья, Кабарда, даже после значительных территориальных потерь в ходе российской колонизации к моменту революции располагала достаточным земельным фондом, позволявшим, в целом, развивать основные хозяйственные отрасли в регионе – скотоводство и земледелие.

Таким образом, у кабардинцев, уже вставших после Февраля 1917 г. на путь автономизации не было объективных причин включаться в борьбу за социалистическую революцию. Основной мотив, побудивший к этому соседние народы – земля, у кабардинцев отсутствовал. Большевистские аналитики, давая оценку «политическому состоянию» Кабарды, отмечали: «Здесь нет специального класса наемных рабочих, нет фабричного пролетариата, все население состоит преимущественно из очень хорошо наделенных землей крестьян, занимающихся земледелием и скотоводством... Невоспитанное жизнью в сознании классовых противоречий труда и капитала, мелкобуржуазное по своему имущественному положению кабардинское крестьянство не имеет никакого представления об идеалах коммунизма, по своим политическим интересам оно даже враждебно ему. За отсутствием фабричного пролетариата и пролетаризованной деревенской бедноты, наиболее восприимчивой к пролетарской идеологии, социалистическая революция пока еще не находит здесь твердого оплота, в убежденной и сознательной приверженности большинства населения. Чтобы утвердиться в Кабарде, она должна получить деятельную и властную поддержку извне – от могущественной Советской России. ...Инертность широких слоев населения в деле защиты революции несравненно опасней по своим размерам и по своему значению, чем активная контрреволюционность малочисленных буржуазных групп» [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 203, 204].

Подобное положение вынуждает большевиков революционизировать Нальчикский округ изнутри через провоцирование социальных противоречий между

представителями высших сословий, которые традиционно занимали лидирующие позиции во властных структурах и экономической жизни округа, и претендующим на эти позиции духовенством и крестьянством.

Стоит отметить, что подобная тактика была апробирована большевиками в Кабарде еще до октябрьского переворота и была направлена на ослабление местных властей, стоящих на позициях Февральской революции. По этому поводу имеется соответствующее предписание прокурора Владикавказского окружного суда Нальчикскому совету рабочих и солдатских депутатов, в котором указывается, что «всякие провокаторские выступления и попытки натравлять одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций будут преследоваться по всей строгости закона» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58].

В дальнейшем, большевикам все же удалось организовать в Кабарде лояльную группу, представленную выходцами из низов и провозгласить здесь советскую власть. Большевики, утверждаясь в Терской области и, в частности, в Кабарде, естественно, по идеологическим соображениям не могли опираться на прежние «буржуазные» элиты, и вынуждены были кооптировать в создаваемые в регионе управленческие структуры, за неимением здесь пролетариата, выходцев из крестьянской среды, а точнее, из малоимущих ее представителей. «Революция как таковая, – отмечалось в аналитической записке начальника Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ (10 ноября 1924 г.), – выдвинула из крайне революционных участвующих непосредственно в ломке феодального строя сил лиц, совершенно ранее незаметных. Эти лица целиком из самых забытых, экономически слабых фамилий, выдвинутые естественным ходом революционных событий, теперь, конечно, выявляют подлинное лицо советской власти применительно к условиям национальной действительности» [Органы государственной безопасности 2007: 206].

Однако, «народные вожаки», как их окрестила советская историография, в роли новой политической элиты кабардинцев не смогли воспрепятствовать действиям Терской чрезвычайной земельной комиссии, передавшей часть территории Кабарды малоземельным горским народам. К тому же их руками большевики начали проводить репрессивную политику в отношении не только прежних элит, но и имущих слоев населения, среди которых часто встречались и представители крестьянства, что существенно обострило социальные противоречия в округе.

Все это в начале августа 1918 г. привело к внутреннему кадровому перевороту, в результате которого руководящие должности в Нальчикском окружном народном совете вместо лояльных большевикам «выходцев из низов» заняли представители национальной интеллигенции во главе с Т. Шакмановым. Среди важнейших решений организованной этой группой 6 августа 1918 г. Окружного народного съезда явилось провозглашение нейтралитета Кабарды в начавшейся в Терской области гражданской войне, признание незаконными действий Терской чрезвычайной земельной комиссии, а также создание Духовного совета, призванного примирить разобщенное большевиками до состояния открытой вражды население Нальчикского округа.

Такая позиция руководства Нальчикского окружного народного совета, формально признающего советскую власть, фактически выводила Кабарду из Терского революционного лагеря и в итоге могла обернуться крахом большевизма в Терской области в целом. В этих условиях большевики предпринимают попытки вернуть Кабарду под свои знамена. Открытое вооруженное вторжение красноармейских частей, могло вызвать обратный эффект, сплотив кабардинский социум в противодействии внешней угрозе и безвозвратно отвернув от большевистского движения, казалось бы, лояльные ему слои местного населения.

Поэтому большевики усиливают пропагандистскую активность, обещая малоземельным крестьянам все и сразу – экспроприировать собственность крупных частновладельцев и распределить ее между малоимущими, которые, к тому же, заместят прежнюю элиту в управленческих структурах.

Поскольку попытка использовать крестьянских активистов как локомотив революционных процессов в Кабарде не имела успеха, идеологическим обрамлением этих обещаний, в условиях невосприимчивости горцев к идеям социализма, стала интерпретированная в нужном ключе исламская социальная доктрина, ментально близкая последним. С одной стороны, шариатское право защищает частную собственность, в том числе и на землю, с другой – содержит положение, согласно которому земля должна принадлежать тем, кто «воскрешает» ее, обрабатывает, то есть крестьянам [Исхаков 2004: 252]. Соответственно все горцы, вступающие в арендные отношения с крупными собственниками, получали возможность безвозмездно пользоваться их участками. Подобные толкования шариатского права гармонировали с популярным лозунгом большевиков – «землю крестьянам!»

Итак, приемлемая для вовлечения горцев в революционную борьбу идеология, совместившая идеи социализма и исламские нормы в части земельных отношений была найдена [Жанситов 2009: 350]. В качестве ведущей силы этой борьбы большевики сделали ставку на кабардинское духовенство.

Один из видных борцов за советскую власть в Нальчикском округе Г. Русаков в своих мемуарах писал: «...во Владикавказе мне С. М. Киров говорил, что нужно, изучая работников, подобрать мусульманина эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту Кабарды. Присутствовавший при нашей беседе тов. Симон Такоев (осетинский революционер. – О.Ж.), указал на эфендия Назира Катханова... Я с товарищем написал письмо С. М. Кирову с характеристикой Катханова. Прошло 3–4 недели, и сияющий Катханов нам объявил, что уезжает получать колоссальное назначение во Владикавказ. Дней через 10 мы получили сведения, что Катханов с сотней или больше, преимущественно мулл, движется по Малой Кабарде к Нальчику» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 37].

В сентябре 1918 г., из кабардинских крестьян и представителей духовенства был сформирована «шариатская колонна» (около 150 человек) под руководством эфендия Н. Катханова, сторонников которого называли «шариатистами». В помощь последнему были приданы отряды осетинских и русских красноармейцев (по сто штыков каждый). 25 сентября Катханов, занял Нальчик и расформировал Окружной народный совет. Политика «нейтралитета» была признана контрреволюционной. Спешно сформированные отряды из кабардинцев отправлялись на фронт для поддержки большевиков в подавлении восстания терских казаков. Внутреннее положение в самой Кабарде с этого времени серьезно обострилось. Малоимущие крестьяне приступили к самовольному разделу частновладельческих земель, представители высших сословий, бывшие офицеры и просто зажиточные сельчане подвергшись репрессиям, организовывались для борьбы с советской властью и лояльными ей слоями населения.

Когда революционный процесс в Нальчикском округе был запущен, а казачье сопротивление в Терской области сломлено большевики уже не нуждались в услугах духовенства. Оно как, в целом, «чуждый социализму класс» было отстранено от участия в политической жизни, ведущее место в которой заняли представители кабардинской бедноты, активно вовлекавшиеся в революционное движение. Таким образом, большевикам удалось, манипулируя интересами различных социальных групп, обострить социальные противоречия в Кабарде и вовлечь регион в общероссийский революционный процесс.

Источники и литература

1. *Архив ИГИ КБНЦ РАН* – Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. *ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации.
3. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
4. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. 212 с.
5. *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии: [В 2 ч.] Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. Ч. 1. 207 с.
6. *Жанситов О.А.* Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Нальчик: Издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2009. 360 с.
7. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917-го – лето 1918 г.). М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. 600 с.
8. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
9. *Органы государственной безопасности и общество: Кабардино-Балкария 1920–1992.* Нальчик: Эль-Фа, 2007. 376 с.
10. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.
11. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
12. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
13. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.

SOCIAL CONFLICT IN KABARDA DURING THE REVOLUTION: ESCALATION FACTORS

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article explores the reasons for the severe social confrontation, which was a hallmark of the revolutionary period in Kabarda against the background of relatively consolidated performances of the neighboring mountain peoples of the Terek region. It is shown that the internal prerequisite for such a situation was the presence of a distinct class differentiated social structure with a latent conflict of group interests among Kabardians, which, in the context of the political crisis and the influence of external factors, tends to escalate. The external factors of social confrontation are the policy of the Bolsheviks and their attempts to bring Kabardinians to fight for Soviet power, enthusiastically supported by small-earth mountaineers. But Kabardinians had wield the lands, had already taken the path of autonomy after February 1917 and that is why they were weakly interested in the further development of the revolution. It is noted that the Bolsheviks succeeded in fulfilling their plans through the instigation of social contradictions between representatives of the upper classes, who traditionally occupied leading positions in the power structures and economic life of the region, clergy aspired to these positions and peasantry.

Keywords: Bolsheviks, Kabarda, Soviet power, land issue, revolution, social conflicts, autonomy, traditional elite, peasantry.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-15-20